

разрешение стало доступным тогда, когда население северных, центральных и восточных регионов перешло к новой хозяйственной основе - кочевому скотоводству.

Восьмисотлетний промежуток существования андроновцев с полным основанием можно считать временем интенсивного улучшения видов производства, материальной и духовной культуры. Произведенные на поселениях раскопки дают вероятность увидеть стороны человеческой деятельности, которые связаны повседневной и бытовой жизнью.

Находки у озера Борового считаются ярким примером творческого процесса в области материальной и также связаны с среднеазиатской культурой, с большим политическим подъемом кочевников IV-V вв. н.э. В этом и заключается историко-культурное и историческое значение находок золотых вещей близ Борового.

Список литературы:

1. Агапов П., Кадырбаев М. Сокровище древнего Казахстана.- Алма-Ата, «Жалын», 1979.-252 с.

2. Акишев К.А. Труды института истории, археологии и этнографии // Академия наук Казахской ССР. Археология. – Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1959. – 317 с.

3. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев // Российская академия наук : Российский институт культурологии. – Москва: Издательство «Восточная литература», 1994. - 464 с

4. Оразбаев А. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. V. Монография.- Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1958,- С.216-283

5. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область.- Алматы: Аруна, 2009.-568 с.

6. Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К., Сапарова К.С., Файса А.М., Бонора Ж.Л. – Нур-Султан – Рим, 2020 – 222 с.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Жаксыбаева А.А

Научный руководитель: к.и.н., профессор кафедры Мухаммадеева И.А
Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова

super_-1@mail.ru

Преобладающая роль кочевого скотоводства в структуре хозяйственных занятий определила характер, а также основные параметры развития производственных отношений в казахском обществе. Специфика социально-экономических отношений в кочевом обществе казахов обуславливалась прежде всего тем, что в процессе производства утилизация природных ресурсов среды обитания осуществлялась по преимуществу биологическими по своей природе средствами, т. е. главным образом стадами животных. В этой связи особую важность для анализа системы производственных отношений в кочевой среде имеет исследование вопроса о средствах производства, представляющих собой целостное единство предметов и средств труда. К числу предметов труда в кочевом обществе прежде всего относится скот, который в процессе производства посредством кормления и ухода подвергается целенаправленному преобразованию в продукт труда [1, с.160].

Что же касается земли, пастбищных угодий, то одни исследователи считают, что «процесс кочевания — это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой производительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через установленное время» [2, с.401-402].

На наш взгляд, с этой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку она не учитывает антропогенного характера рассматриваемой экосистемы. В действительности же пастбищные угодья номадных ареалов также являлись продуктом человеческой деятельности. Это обуславливалось тем, что они с момента возникновения кочевничества уже не являлись ни «естественным травостоем», ни «диким пастбищем», а носили антропогенный характер. И поэтому они были не только средством, но и предметом труда, как это справедливо заметил И. Я. Златкин, поскольку в процессе выпаса скота и кочевания существенно были преобразованы деятельностью человека. Это было связано с тем, что в результате, например, перевыпаса скота происходила так называемая «пасторальная дигрессия» или «пастбищная модификация» растительного покрова, приводившая в конце концов к опустыниванию и эрозии пастбищных угодий. Однако кочевники никогда не наносили непоправимого ущерба природным ресурсам среды обитания без давления внешних факторов [3, с.182-183].

Наиболее очевидным доказательством антропогенного характера номадных ареалов, всего пустынно-степного ландшафтного пояса является негативное воздействие «эффекта недовыпаса» на растительный покров. В этом случае заметно понижалась урожайность «естественного травостоя» систематический недовыпас оборачивался значительными изменениями в самом характере растительности и ее жизнедеятельности. Степи имели тенденцию превращения в поросшие бурьяном с густым слоем старой ветоши, совсем непригодные для выпаса скота, пустоши. [1, с.171.]

Выпас скота благоприятно влиял на состояние растительного покрова, способствовал его омоложению и произрастанию многолетних трав.

Оптимальная норма отчуждения пустынной растительности, как показывают специальные исследования, составляет по одним данным не более 50% травостоя [4, с.52], а по другим, примерно около 75%. «При большей и меньшей нагрузке, — считают они, — растительность деградирует, часто необратимо» [5, с.133].

Растительный покров номадных ареалов в значительной степени являлся продуктом опосредствованного системой выпаса и кочевания труда человека. В этом случае скот по сути дела выступал в качестве средства труда, поскольку способствовал преобразованию пастбищных угодий в предмет труда.

Кочевничество, иначе говоря, есть не только стратегия природопользования посредством сезонного кочевания по определенным маршрутам в поисках удобных пастбищных угодий, но и объективно такая организация системы материального производства, которая находится в состоянии динамического равновесия со средой обитания и является фактором ее функционирования и кондиционирования ее жизнедеятельности. Интересно, что необходимость равновесного природопользования отчасти осознавалась и самими номадами, которые практиковали попеременное использование различных участков земли, чередовали их, оставляли под «пар» интенсивно использовавшиеся прежде пастбища. Р. Капо-Рей заметил в этой связи, что «...сахарский скотовод должен кочевать непрестанно... чтобы не допустить истощения пастбищ...».

Таким образом, земля, являясь одним из основных средств производства в кочевой среде, также вовлекалась в отношения фактической собственности посредством утилизации кормовых и водных ресурсов на уровне общин и через качественно-видовой состав стада на уровне межличностных отношений. И если на первом уровне функции собственника осуществляли в зимний период года — минимальная община, в теплое время — расширенная община, а в течение всего года — ассоциативная группа, то на последнем —

класс богатых скотовладельцев, которые фактически образовывали класс земельных собственников. В обычно правовом плане право собственности как общин, так и богатых скотовладельцев на землю и водные источники выражалось в «праве первозахвата», которое для массы непосредственных производителей превращалось в процессе производства в юридическую фикцию. Однако для окончательного заключения о всеобщности процесса монополизации отношений собственности на землю класса богатых скотовладельцев необходим анализ фактических отношений собственности на скот и другие средства производства в самом процессе трудовой деятельности.

Долгое время господствовало мнение, что сущность производственных отношений у кочевников составляла частная собственность на землю. Неравенство в пользовании пастбищными ресурсами у кочевников было, однако говорить о частной собственности на землю нельзя. Частной собственности находилось другое средство производства - скот, который в силу своих специфических качеств рано стал отдельными лицами. Частная собственность на скот в условиях экологической неустойчивости кочевнической экономики явилась основой имманентно присущей номадизму имущественной дифференциации и фундаментом эксплуатации малоимущих и бедных кочевников посредством отдачи скота на выпас (так. наз. "саун"). Но саункая эксплуатация не являлась основной и тем более единственной в социальных организациях номадов. Кроме нее имела определенное распространение эксплуатация посредством привлечения обедневших кочевников в качестве работников в богатые хозяйства.

Рабовладельческие отношения хотя и существовали у кочевников, тем не менее не получили широкого распространения ни в один из периодов истории номадизма. Это объясняется тем, что при скотоводстве потребности в дополнительной рабочей силе могли легко удовлетворяться за счет внутренних ресурсов; существовали сравнительно легкие условия для бегства и опасность повышенной концентрации рабов в отдельных кочевых группах; скотоводческий труд требовал определенной квалификации и считался престижным. Рабы у кочевников использовались в основном в домашнем хозяйстве (преимущественно женский труд), широкое распространение получила работорговля на внешних рынках.

Большинство кочевников были хозяйственно самостоятельны. В тех обществах, где все таки была их эксплуатация, самое большее они могли облагаться рядом явных или завуалированных традиционными редистрибутивными отношениями повинностей или поборов в пользу верхушки кочевого общества. Только в период стабильного завоевания земледельческих территорий и включения их в состав переложных кочевнических образований эксплуатация простых номадов могла усиливаться. Однако поборы с рядового населения не являлись главным источником доходов вождей и аристократии. К тому же, постоянная нужда в продуктах земледелия и изделиях ремесла, толкавшая кочевников на путь внешней экспансии, требовала внутренней консолидации и ограничивала возможности эксплуатации простых соплеменников.

Ведущей структурообразующей в кочевых обществах была внешне-эксплуататорская деятельность. Ее многообразные формы (периодические набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, данничество и навязанный вассалитет, непосредственное завоевание) были широко распространены у кочевников древности, средневековья и отчасти нового времени.

В результате, отношения по поводу работников производства обуславливались чисто экономическими факторами. В кочевом обществе они определялись зависимым положением массы непосредственных производителей, которая была неспособна обеспечить необходимый продукт и функционирование процесса производства вне общины. Поэтому трудящиеся индивиды в вопросах своего жизненного бытия и социальной деятельности были несвободны и изначально экономически зависимы, ибо были вынуждены искать средства к существованию за пределами своего собственного скотоводческого хозяйства, которое не

удовлетворяло их минимальные потребности. В дополнение к этому непосредственные производители были заинтересованы в интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев для обеспечения воспроизводства лично им принадлежащего скота. В противном случае происходило выпадение из процесса производства, из всей сферы общественного бытия и жизнедеятельности, а вследствие этого обнищание, отверженность и пауперизация.

Необходимо учитывать порядок кочевания и систему раздельного выпаса скота. Источники свидетельствуют, что «весь порядок следования аула при перекочевке заключается в нижеследующем: впереди гонют лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество навьюченное на верблюда».

В свою очередь, беднейшие придерживались другого порядка кочевания: Хозяйственные аулы и котаны, у которых недостаток в рабочем скоте и которые не могут сразу сняться с места, кочуют в несколько приемов: сначала кочует часть аула или котана, потом рабочий скот с новой стоянки посылается оставшимся; у бедных казахов это повторяется несколько раз и кочевка затягивается на 2—3 дня. Такая кочевка называется тасмал, она практикуется только бедняками, возможна только при коротких кочевках, не более как на 10—20 верст.

Вследствие этого закономерно, что в хозяйствах более состоятельных, имевших много скота и больше подвижных видов — лошадей, верблюдов, процесс кочевания не требовал больших затрат времени и осуществлялся на высокой скорости, тогда как в бедных хозяйствах с высоким удельным весом малоподвижных животных и при дефиците транспортных средств процесс кочевания требовал больших затрат времени и труда и осуществлялся очень медленно. Итак, в наличии большая разница в скорости, интенсивности и частоте кочевания в зависимости от степени благосостояния индивида. В результате этого имеют место высокая скорость кочевания в богатых хозяйствах и низкая — бедных хозяйств. Поэтому скорость кочевания выступает в качестве фундаментальной парадигмы социально-экономических процессов в кочевой среде.

Следовательно, богатые хозяйства, имеющие более подвижную структуру стада, кочевали значительно быстрее малоимущих, что позволяло их скоту потреблять свежий, никем не тронутый растительный покров. В то время как менее обеспеченные скотом были вынуждены следовать за богатыми и довольствоваться лишь тем, что осталось после выпаса их скота. Иначе говоря, качественно-видовой состав стада, зависевший от имущественного положения индивида, определял скорость движения животных во время выпаса и перегонов и тем самым обуславливал присвоение кормовых угодий в собственность богатых скотовладельцев [1, с.176].

Следует иметь в виду, что «ни принадлежность условий одному из агентов экономического отношения, ни принадлежность одной лишь способности к труду другому агенту не могут составлять отношение собственности, условия производства без рабочей силы столь же лишены смысла, как и рабочая сила без условий осуществления труда. Собственность потому и выступает как экономическая категория, что эти объективно необходимые элементы опосредования обмена веществ между человеком и природой поляризовались и субъективизировались на противоположных полюсах. Поэтому собственность как экономическая категория не может являться ни собственностью на средства производства, ни собственностью на рабочую силу. Она есть нечто третье, представленное в их взаимном отношении, но не сводимое ни к первому, ни ко второму» [6, с.10].

Обычно правовые отношения собственности на средства производства отнюдь не исчерпывают всей целостности и содержания отношений собственности в экономическом смысле, являясь лишь институциональной формой их субъективного отражения в сознании людей. При этом юридические формы собственности представляют интерес, в основном, в качестве исходного общественного отношения, поскольку производственные отношения проявляются на поверхности действительности в превращенных формах.

То есть, на основе различий в скорости кочевания фактически происходило присвоение кормовых и водных ресурсов в теплое время года классом богатых скотовладельцев, которые практически монополизировали пастбищные угодья благодаря более подвижному составу своего стада. Из этого можно заключить, что «право первозахвата» в действительности являлось всего лишь юридической фикцией, поскольку оно только вуалировало фактически существующее господство класса богатых скотовладельцев в сфере землепользования. При этом гегемония данной прослойки в области земельных отношений становится еще более очевидной, если учитывать, что значительная часть непосредственных производителей была зависима от богатых скотовладельцев уже в самом процессе кочевания [1, с.186].

Таким образом, мы вправе заключить, что специфика социально-экономических отношений с обычно правовой точки зрения в системе производственных отношений не существовало каких-либо условий монополизации средств производства: земли и воды в большей степени, скота – в меньшей. Обычное право, судя по всему, своими нормами «рассеивало» отношения собственности на средства производства по различным уровням социальной организации многообразным каналам межличностных связей и детерминировало сегментацию имущества и прерывание процессов накопления и концентрации скота.

Список литературы:

- 1 Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. – Алматы: Социнвест, Москва: Горизонт, 1995. – 320с.
- 2 Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов. – Москва: Наука, 1955. – 420с.
- 3 Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства //Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Ленинград: Наука, 1973. – 222с.
- 4 Радченко Г. Ф. Страны Сахеля: состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства. – Москва: Мысль, 1983. – 261с.
- 5 Ретеюм А. Ю. Земные миры. – Москва: Мысль, 1988. – 266 с.
- 6 Хубиев К. А. Сложные производственные отношения и методология их исследования //Экономические науки. – 1983. – № 9. – С. 7-14.

ТЮРКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Крекова К.

Научный руководитель: д. и. н., профессор Аманжол К.

Кру имени А. Байтурсынова, Педагогический институт У. Султангазина

krekovakarolina1@gmail.com

В исторической науке существуют понятия различного смыслового направления, относящиеся к понятию «тюрки Западной Сибири». Во-первых, народы тюркского происхождения или тюркоязычные народы. Во-вторых, народы тюркского происхождения в древности, средневековье и в более поздние периоды в зависимости от эпохи. Поэтому, исходя из этих основ, приведем исторические данные о турках Западной Сибири.

Данный вопрос, рассматриваемый в научной статье, не до конца изучен как в общеисторической науке, так и, в том числе, в казахстанской исторической науке. В этом можно убедиться при поиске данных, относящихся к данной теме. Поэтому изучение данной темы является актуальным.